

*А.В. Гладышев**

ФРАНЦУЗСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

История контрреволюции во Франции XVIII в. долгое время выглядела бедной «падчерицей» на фоне массы исследований, посвященных собственно Французской революции. Новейшее исследование Д.Ю. Бовыкина позволяет в значительной степени восполнить этот историографический пробел и, одновременно, наводит на новые размышления о феномене контрреволюции. Автор статьи подчеркивает необходимость большей терминологической определенности, семантического анализа таких понятий как «роялисты», «конституционные монархисты», «контрреволюция», «антиреволюция»; прослеживает этапы идейной эволюции роялистов, акцентируя личностный фактор в их взаимоотношениях. Несомненной заслугой Д.Ю. Бовыкина признается пересмотр целого ряда утвердившихся в историографии клише.

Ключевые слова: история, Французская революция, иностранная интервенция, контрреволюция, Революционные войны, Людовик XVIII, Д.Ю. Бовыкин

Изучение истории Французской революции, равно как исследования по ее историографии, уже привычно стали «вечно актуальными». Помимо захватывающих политических перипетий, вереницы трагических и героических судеб, Французская революция дает богатейший материал для философской рефлексии, для научно-теоретических и методологических разработок. Поколение за поколением историки, уверяя читателей в своей объективности, переносят в прошлое свои чаяния и надежды, всегда находя в изучении французских событий конца XVIII в. что-то новое и востребованное современным обществом.

Прошли те времена, когда саму Французскую революцию XVIII в. называли «Великой», однако то, что ее историография

** Андрей Владимирович Гладышев, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10041.

Краткая версия этого текста была опубликована в журнале «Новая и новейшая история» (2017, № 5).

поистине велика, это – бесспорный факт. Двести с лишним лет Революцию осмысливали и описывали, анализировали в деталях и синтезировали концептуальные модели. И какие историки! Какие имена! Целые историографические школы возникли в ходе изучения этого исторического феномена. Исследователи Французской революции не оставили без внимания, наверное, ни один методологический «поворот». Революция давно стала полем схватки не просто интеллектуалов разных политических ориентаций, а целых идеологий и мировоззрений.

В 2007 г. в издательстве «Наука» вышла книга А.В. Чудинова¹, где говорилось об относительности многих «общепринятых» положений истории Французской революции, опровергались историографические мифы, звучал призыв к переосмыслению и новым открытиям. Но резонно возникал вопрос, а есть ли еще в истории Революции при таком обилии исследований место для новых сюжетов и открытий или же на нашу долю остаются лишь реинтерпретация и нюансирование? Тогда на страницах «Вопросов истории» я опубликовал рецензию-размышление о той работе². И вот десять лет спустя я вновь обращаюсь к этой проблематике, но уже совершенно с другой стороны.

Недавно увидевшее свет исследование Д.Ю. Бовыкина³ убедительно показывает, что при всем изобилии посвященных Революции исследований в ее истории, действительно, до сих пор сохраняются обширные «белые пятна», заслуживающие самого внимательного изучения.

Хронологические рамки исследования Д.Ю. Бовыкина охватывают практически половину революционного десятилетия. Причем именно ту половину, которую советская историография долгое время вообще не считала составной частью революции. Конечно, при взгляде на название работы может возникнуть вопрос, а имеет ли она отношение собственно к истории *революции*? Я бы ответил утвердительно, если считать, что революция и контрреволюция – две стороны одной медали. И, если аверс политической борьбы во Франции времен Революции исследовали самым тщательным образом, то реверс почти неизвестен. Если вести речь

¹ Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007.

² Гладышев А.В. Французская революция: взгляд из XXI века // ВИ. 2007. № 10. С. 66-73.

³ Бовыкин Д.Ю. Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 719 с. Далее ссылки на эту работу даются непосредственно в тексте статьи.

об изучении «*событий времен Французской революции*», то можно констатировать, что исследователи традиционно говорят почти исключительно о революционерах, но не о контрреволюционерах. Контрреволюционеры в лучшем случае первых оттеняют и в общих работах по истории Революции чаще всего выступают статистами. Это - «заговорщики», часто безымянные и практически безыдейные, но, безусловно, «реакционные», ибо априори подразумевается, что все они хотели исключительно реставрации Старого порядка. История контрреволюции оказалась отделена от истории Революции и выглядела в общей массе историографии бледной приживалкой последней.

С этой точки зрения, исследование Д.Ю. Бовыкина уже только одним выбором проблематики претендует на новаторский характер. Однако новизна представленной работы не исчерпывается оригинальностью постановки темы. С самого начала автору приходится выходить на непростые проблемы методологического характера, вокруг которых в мировой историографии было высказано много самых противоречивых соображений.

Некогда член Национального института наук и искусств Франции времен Директории Антуан Дестю де Траси говорил: «смысл слов - это то, с чего всегда надо начинать». Д.Ю. Бовыкин начинает как раз с понятийного аппарата, с семантики понятий «роялизм», «роялисты», «конституционные монархисты» и др. Стремление добиться терминологической определенности можно только приветствовать. Но возникает вопрос, синонимичны ли эти понятия понятию «контрреволюционер»? И что вообще означало в годы республиканской Директории «быть революционером»? Д.Ю. Бовыкин пишет: «Кто такие революционеры, более или менее понятно». Но при этом автор, судя по приводимому им перечню критериев революционера, имеет в виду революционеров 1789-1794 гг. Поэтому ответ на вопрос, кто такие «революционеры 1795-1799 гг.», решается методом от противного, через попытку определить, кто такие *контр*революционеры? (С. 13-15).

Ответ на этот вопрос лежит в антитезе понятий «антиреволюция» (неосознанный стихийный протест против всех бед, порожденных революцией) и «контрреволюция» (протест, «проявлявшейся осознанно, характерный для образованных слоев общества, обладавший идейной программой, противостоявший Революции в институциональном и идеологическом плане»). Эти формы про-

теста могут быть далеки друг от друга или, наоборот, близки. Но «роялизм» (в отличие от «монархизма») всегда будет «контрреволюционен».

Обращаясь к истории роялизма, Д.Ю. Бовыкин задался задачей изучить не столько абстрактные теории, «политические проекты» или «контрреволюционные доктрины», сколько повседневную деятельность роялистов, что, конечно, не исключает, анализа эволюции их воззрений.

Поэтому книга и начинается с выявления взглядов графа Прованского до его восхождения на французский престол и определения того образа принца, который сложился в его ближайшем окружении и общественном мнении Франции накануне и в ходе Французской революции. Автор констатирует, что на момент падения якобинской диктатуры в роялистском движении еще не было однозначного лидера: Людовик XVII оставался заложником у термидорианского правительства. Что же касается репутации графа Прованского, то, как показывает Д.Ю. Бовыкин, ему инкриминировали надменность, скрытность, амбициозность... Но, кому из нас недоброжелатели не смогут это инкриминировать? Эскурсы автора в детство обоих Людовиков – XVI-го и будущего XVIII-го – и анализ дворцовых сплетен позволяют констатировать существование у «общественности» мнения о соперничестве братьев. Но далее автор подчеркивает: «Реальных свидетельств такого соперничества сохранилось немного, и их все чрезвычайно сложно проверить» (С. 64). Замечу, что для оценки образа «Другого» не столь уж и важно, насколько он соответствует действительности. Важно то, что этот образ «работает» – определяет наше отношение к этому самому «Другому». В этой связи Д.Ю. Бовыкин справедливо отмечает: «Не вызывает сомнений, что, несмотря на все старания Людовика XVIII, “черная легенда” тяготела над ним и заставляла с собой считаться» (С. 88). Но возникает и другой вопрос: что это такое за «общественное мнение», в чьих глазах «неуклюжий и прямолинейный» Людовик XVI был предпочтительнее графа Прованского?

Что касается эволюции политических воззрений Людовика XVIII. Д.Ю. Бовыкин опровергает сложившуюся в историографии точку зрения на графа Прованского как на политический флюгер, который из консерватора-традиционалиста к началу Революции превратился в либерала, а затем опять стал консерватором. Как показывает автор, когда речь идет не о личных отношениях, а о политике, граф Про-

ванский забывал о соперничестве с братом (если таковое вообще имело место). Д.Ю. Бовыкин констатирует: «Как накануне, так и в первые годы революции Людовик-Станислас постоянно поддерживает брата и во всеуслышание заявляет об этом». Далее автор еще два раза уверенно повторит: «Неизменно следовал в фарватере» и «во всем брата поддерживал» (С. 82, 89, 104). Да и сама «черная легенда» не выглядит такой уж черной: ну, обвиняли Месье, что он менял свой политический курс. Обвиняли, кстати, сторонники Робеспьера. А кто его не менял? Робеспьер?

Дав характеристику образа графа Прованского, Д.Ю. Бовыкин приступает к рассмотрению шансов роялистов на победу в 1795 г. Это уже анализ политической ситуации, а не политических взглядов роялистов. В отечественной историографии, ругая термидорианцев, а затем и Директорию, охотно, хотя и невнятно, писали о «роялистской угрозе». Естественно, что степень этой угрозы оценивалась историками по-разному. Как по-разному оценивалась она и современниками. Преобладало же в историографии мнение о невозможности прихода роялистов к власти в 1795 г. Нас пытались убедить, что роялисты не представляли собой реальной силы, что французы быстро преодолели монархические иллюзии и превратились в убежденных республиканцев. Фактически дело представлялось так, что революционеры в годы Термидора и Директории боролись с жалкой кучкой ретроградов-заговорщиков. Но почему тогда так долго боролись? И зачем тогда столько усилий и столько шума? Можно было бы предположить, что роялистская угроза существовала не столько в реальности, сколько в головах узкого круга политиков и нуворишей, что это была «шумовая завеса», средство манипулирования массовым сознанием, удержания у власти и т.д. Но тогда придется признать, что марксистская историография в этом отношении оказалась более последовательна, заканчивая революцию 1794 г. и снимая тем самым вопрос о «революционерах 1795-1799 гг.». Проблему же с существованием контрреволюционеров решали еще проще: народ, мол, «быстро преодолел монархические иллюзии».

Д.Ю. Бовыкин, корректируя имеющиеся в историографии представления о невозможности прихода роялистов к власти, старается доказать, что роялисты были в 1795-1799 гг. как раз вполне реальной силой и угрозой для революционного правительства: «Активизация роялистов в ту пору - отнюдь не иллюзия и не об-

ман зрения»; «растущие роялистские настроения создавали предпосылки для восстановления монархии, в этом не сомневались и современники» (С. 126).

Но вопрос состоит также в том, почему роялисты получили шанс путем победы на выборах вернуть монархию? Мы имеем дело с закономерностями массовой психологии, со стечением ряда разнохарактерных обстоятельств или с результатами пропагандистских усилий конкретных людей? Особенность авторской позиции Д.Ю. Бовыкина в этом вопросе, на мой взгляд, заключается в том, что, называя вещи своими именами, автор настаивает: были *объективные* предпосылки для реставрации монархии в 1795 г. и многие *субъекты* так и думали.

Автор пишет в первую очередь о внешних факторах: о возвращающихся эмигрантах, об «активизации роялистской пропаганды в печати, которая велась через издания и листовки – как присылаемые из-за рубежа, так и публикуемые внутри страны» (С. 103). Но при этом не упускается из виду внутренний фактор – «усталость населения от шести лет революции» (С. 194). Конечно, в такой формулировке речь идет в первую очередь об «антиреволюционных настроениях» безотносительно к конкретной форме и характеру правления. Об этом писали и раньше. Но автору удалось собрать очень интересные свидетельства, отражающие рост во Франции именно промонархических и роялистских настроений. По его мнению, даже термидорианцы проявляли определенную склонность к компромиссу, у них отсутствовала былая непримиримость в отношении королевской власти и того, что с ней связано (С. 126). Итак, умонастроения французского народа – безусловно, фактор роста роялистских настроений.

Здесь мы выходим на сакраментальный вопрос, который занимал еще Ж. Мишле⁴ и О. Кошена⁵: что такое «народ»? И можно поставить вопрос не просто о конкретных ситуативных умонастроениях, а о менталитете французского народа, или, еще шире, о психологии переживающего революцию народа вообще... И окажется, что французский «народ» при всей его доверчивости и определенной легкомысленности, политической неопытности и неграмотности, увлеченности новым и одновременно традиционности, brutality и склонности к раскаянию оказался, как

⁴ Мишле Ж. Народ. М., 1965.

⁵ Кошен О. Малый народ и революция. М., 2003.

сказал бы Бакунин, «готов к контрреволюции». Готов и идейно, и ментально. И революционерам было лучше об этом помнить...

Что касается вопроса о политических силах, выступавших за реставрацию монархии при Термидоре и Директории, то попытки ответить на вопрос, «были ли среди депутатов роялисты?», дают пищу для размышления, но не сам ответ. Автор констатирует, что подозрения были (обвинения тоже), а прямых доказательств так и нет (С. 129-130). Двадцатистраничный анализ косвенных признаков роялизма тех или иных конкретных лиц приводит автора все к той же констатации: «Анализ политических пристрастий членов Конвента не позволяет (по крайней мере, на нынешнем уровне освоения источников) дать ответ на вопрос, сколько же монархистов было в его стенах – треть, сотня или несколько десятков, не оказывавших существенного влияния на события» (С. 151-152). Но тогда остается только *верить* авторским заключениям: «Сейчас можно сказать, что подозрения, высказанные в адрес некоторых названных выше членов Конвента, кажутся не лишены оснований»; «как мне видится, в стенах Конвента сторонников монархии было немало» (С. 132, 159).

Столь же неопределенным будет ответ на вопрос о планах членов Конвента на реставрацию монархии. Д.Ю. Бовыкин пишет: «Какие-то слухи о том, что депутаты могут захотеть восстановить королевскую власть, видимо, ходили и по Парижу <...> Реальны ли были все эти планы? Едва мы когда-нибудь сможем это установить». Дело не в том реалистичны ли эти планы, а в том, были ли они в принципе или же это были только слухи, что «*могут захотеть*» (!). Судя по заключительной фразе соответствующей главы, автор считает, что планы были: «Смерть Людовика XVII положила конец этим планам» (С. 159).

В работе немало ссылок на недоказуемость тех или иных гипотез, слухов, точек зрения из-за отсутствия точных и прямых свидетельств и достоверных документов. Конечно, мы должны учитывать всю сложность исследования контрреволюционного движения. Свидетельств самих роялистов об их деятельности *внутри* Франции мало: не будем забывать, что за подстрекательство к восстановлению королевской власти все еще могло последовать наказание. Это все равно, что изучать подполье периода оккупации: все пароли, адреса явок и списки членов организации съедены подпольщиками при аресте, остались одни директивы из центра...

Прав Дмитрий Юрьевич: «компрометирующие документы старались не хранить» (С. 131).

Изучая расстановку политических сил после кончины Людовика XVII, Д.Ю. Бовыкин утверждает: «Смерть Людовика XVII взрывала весь сложившийся к тому времени политический расклад. Если она была обдуманым политическим ходом со стороны республиканцев <...>, то ход этот представляется воистину очень удачным. Те силы внутри Франции, которые делали ставку на реставрацию мирным путем, мгновенно оказались дезориентированы» (С. 173).

Естественно, необходима оговорка, и автор ее делает спустя несколько страниц: «дезориентация» коснулась далеко не всех монархистов. Напротив, после того, как революционное правительство лишилось заложника, для роялистов «открылись новые перспективы» (С. 183). Здесь необходимо вспомнить, о чем говорилось в начале – о терминологической определенности. Д.Ю. Бовыкин прослеживает взаимоотношения «роялистов» и «конституционных монархистов», выявляет сходство и различия в их воззрениях и политических программах, анализирует процесс постепенного сближения между ними. Если роялисты согласны были только на Людовика XVIII, то некоторых монархистов (как активно участвовавших в революции, так и пытавшихся остаться в тени) удовлетворил бы и какой-нибудь другой король. Д.Ю. Бовыкин впервые в историографии задался целью классифицировать этих возможных претендентов на французский престол, «охарактеризовать те группировки, которые вокруг них складывались, оценить их планы и перспективы» (С. 176).

Новизна вывода Бовыкина заключается в том, что он, в отличие от мэтров «классической» историографии Французской революции (А. Матъеза⁶, Г. Рюде⁷, Ж. Годшо⁸ и др.), подчеркивает не идейные расхождения между роялистами-абсолютистами-эмигрантами и конституционными монархистами, а констатирует лишь существовавшее между ними определенное недопонимание «на личном уровне». Более того, Д.Ю. Бовыкин утверждает, что «те, и другие чем дальше, тем больше демонстрировали стремление к примирению и единству». Этому сближению в первую очередь способствовала смерть Людовика XVII (С. 185, 187, 189).

⁶ Матъез А. Термидорианская реакция. М.-Л., 1931; Он же. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995.

⁷ Rudé G. The French Revolution. L., 1988.

⁸ Godechot J. La contre-revolution. Doctrine et action. 1789–1804. P., 1961.

Далее в книге проводится анализ различных этапов разработки программы роялистского движения и ее трансформации. Внимание акцентируется на «Веронской декларации» – самом крупном просчете Людовика XVIII. Что касается вопроса об авторстве этого документа, то Д.Ю. Бовыкин на основе анализа источников и сопоставления различных точек зрения, существующих в историографии, подводит читателя к выводу о том, что Декларация была составлена Людовиком XVIII без оглядки на мнения ультрароялистов или конституционных монархистов. «Текст ее явно адресован той основной массе населения страны, которая устала от постоянных пертурбаций, но мало что от них приобрела», при этом отдельные разделы Декларации были «тщательно и глубоко продуманными», а в целом она являла собой «явный компромисс между старым и новым» (С. 206-208). Что касается эффекта от этой декларации, то, республиканцы не увидели в ней никакой угрозы и высмеивали ее, конституционные монархисты были разочарованы и критиковали ее, роялисты сочли Декларацию слишком пространной и мягкой, иностранные правительства отнеслись к ней прохладно, а англичане даже расстроились. Иными словами: «от уверенного в своих силах монарха подданные ожидали иного». С точки зрения же автора книги, «Веронская декларация оказалась неудачной не потому, что якобы сулила возвращение к Старому порядку, а <...> потому что его [Людовика XVIII] готовность к компромиссу оказалась намечена лишь пунктиром», и в то же время однозначно оценить эффект от нее «довольно сложно» (С. 229, 243, 251).

Вслед за Декларацией последовали соответствующие послания и к монархам других стран: необходимо было заручиться международной поддержкой для реального вступления на престол. В этой связи Д.Ю. Бовыкин подчеркивает необходимость анализа взаимоотношений Людовика XVIII и государей ведущих европейских держав. Он подробно останавливается на отношении тех или иных европейских держав к войне с Францией, к Франции вообще и к новому королю лично. Автор поясняет почему державы не торопились признавать новым королем Людовика XVIII и отмечает, что процесс признания инициировала Россия (С. 244-281).

С другой стороны, Д.Ю. Бовыкин пишет, что роялисты не питали особых иллюзий относительно бескорыстной помощи европейских держав: мысли о расплате, о территориальных или иных

уступках Франции не только «создавали немалое напряжение в отношениях между роялистами и европейскими державами, но и подогревали нарождающийся французский национализм». Поэтому автор в определенной степени противоречит сам себе, когда утверждает, что признание воцарения законного монарха из династии Бурбонов «изначально казалось роялистам формальным актом, не представлявшим никакой проблемы». Так или иначе, с конца 1794 г. в политике роялистов обозначился новый этап: «В планах короля начинается переориентация на иной сценарий восстановления королевской власти: не извне при некоторой поддержке изнутри страны, а изнутри при некоторой поддержке извне» (С. 287, 289, 290).

Но неудачи по организации антиреспубликанского восстания в восточных департаментах Франции, активизации Вандейского мятежа, десанта на полуостров Киберон привели к тому, что роялисты сменили тактику: в 1795 г. они приняли активное участие в выборах и голосовали за конституцию. При этом «роялизм по-прежнему нередко оставался латентным, никаких четко оформленных группировок или партий не существовало, никто из политиков не высказывался за восстановление королевской власти открыто. Это создавало парадоксальную ситуацию: не было сомнений, что многие стремятся к восстановлению монархии, но кто эти многие, сколько их, как далеко простирается их влияние оставалось не понятным» (С. 315-316). Так, что «движением» в прямом смысле слова роялизм был на полуострове Киберон. Рядом же с Людовиком XVIII роялизм – в большей степени «окружение», а внутри самой Франции – в большей степени «умонастроение»...

Отдельная глава в монографии отведена восстанию 13 вандемьера IV года Республики. Д.Ю. Бовыкин дает новую интерпретацию этих событий. Квалифицируемое по традиции, которую пытался нарушить только Н.И. Кареев⁹, как роялистское, это восстание на деле не ставило никаких роялистских целей. Таковые ему приписали депутаты Конвента, обвинившие членов парижских секций в роялизме. Вывод автора таков: «Документы недвусмысленно говорят о том, что если сторонники монархии и участвова-

⁹ Кареев Н.И. Парижские секции времен Французской революции (1790–1795). СПб., 1911; *Он же*. Неизданные документы по истории парижских секций 1790–1795 гг. СПб., 1912; *Он же*. Политические выступления парижских секций во время Великой революции // Русское богатство. 1912. № 11, № 12; *Он же*. Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? Харьков, 1914.

ли в восстании, то это не те роялисты, чью деятельность направляли из-за рубежа», окружение короля не имело никакого отношения к тому, что происходило в Париже. Внимательно изучив широкий спектр архивных документов, Д.Ю. Бовыкин констатирует «отсутствие сколько-нибудь весомых доказательств роялистского характера мятежа» (С. 347, 357-358, 360).

Отдельно Д.Ю. Бовыкин рассматривает, как происходило формирование ближайшего окружения Людовика XVIII, его двора и королевского Совета. Вопрос этот для роялистов был не праздным: Людовик XVIII старался представить дело так, что где он, там и двор, а где двор, там и само королевство... Автор книги опровергает высказывавшуюся в контексте «черной легенды» точку зрения о пагубном влиянии графа д'Аварэ на Людовика XVIII, доказывая, что «складывавшийся у современников образ королевского Совета имел очень мало общего с реальностью» (С. 412, 394, 407).

Рассматривая деятельность роялистов после установления режима Директории, Д.Ю. Бовыкин сосредотачивает внимание на той активности, что развил Людовик XVIII, непрерывно встречаясь с «министрами» и путешественниками, сановниками прежнего царствования и агентами, ведя переписку едва ли не со всеми европейскими державами и с десятками людей во Франции» (С. 413). В сущности же, автор старается выявить объем, причины и динамику той поддержки, которую оказывали роялистам страны антифранцузской коалиции. При этом Д.Ю. Бовыкин в очередной раз предлагает новый взгляд на вещи и корректирует бытующую в историографии точку зрения. На сей раз речь идет о начале участия армии в политике. Вместо принятой (например, Ф. Фюре¹⁰) датировки этого явления 1797 годом, предлагается 1795 год: «Армия вышла на политическую сцену в тот момент, когда она научилась эффективно вмешиваться в политическую борьбу республиканцев друг с другом» (С. 445).

Возвращаясь к вопросу об изменениях (этапах) в планах и деятельности роялистов, автор делает вывод о том, что в 1797 г. проекты, которые были связаны с победой над Республикой при помощи грубой силы, сменились новыми планами: использовать внутреннюю слабость режима и одержать победу на выборах (С. 457). О том же писалось и применительно к 1795 г. Для читателя книги Д.Ю. Бовыкина становится уже как-то привычно, что и в этой

¹⁰ Furet F. La Revolution. De Turgot à Jules Ferry. 1770–1880. P., 1988. P. 256.

связи опровергается очередная распространенная в историографии точка зрения. По его мнению, 1797 г. не являлся поворотным годом для сближения роялистов и конституционных монархистов: Людовик XVIII всегда был готов к компромиссу с последними (С. 466-488). Оценивая переворот 18 фрюктидора и причины неудачи роялистов, Д.Ю. Бовыкин выделяет такие факторы: «отсутствие определенности» в рядах монархистов; невозможность договориться с потенциальными союзниками из рядов республиканцев; отсутствие в самой Франции координирующего центра; отсутствие человека, способного принять ответственное решение и т.д. (С. 487-492). Переворот 18 фрюктидора в очередной раз заставил Людовика XVIII изменить свои планы. Теперь роялисты принялись искать французского «Монка».

Д.Ю. Бовыкин попутно, по его собственному выражению, «уточняет» традиционную точку зрения на политику Директории, как на «политику качелей». Монархисты и якобинцы для Директории не были равнозначными силами: монархисты были опасней. «В стране тогда было лишь две реальных политических силы: республиканцы и роялисты» (С. 513). Если вести речь о политических теориях (как это делал Б. Гэнно, на которого ссылается автор¹¹), то это так: конкуренцию республиканской идее могла тогда составить только идея монархическая. Но если вести речь о программе конкретных действий и шансах на захват власти, то, видимо, этот вопрос требует дополнительного изучения: у роялистов, как это признает автор, не было четкой программы конкретных действий (С. 491).

А вот, идейный фундамент, безусловно, был. Его анализу и посвящена 15-я глава работы, которая соответствует в большей степени не хронологическому (как остальные главы) а проблемному принципу. Она имеет принципиальное значение для всей работы, описывая тот идейный фундамент, на который опирались проекты и планы роялистов, оценивая влияние внутренних и внешних факторов на идеологию, стратегию и тактику роялистского движения в 1794-1799 гг. Конечно, надо признать, что «в документах, созданных Людовиком XVIII и его окружением, можно заметить определенное противоречие» (С. 573). Тем весомей заслуга автора, который сумел отследить не только эволюцию политических, социальных и экономических взглядов роялистов, но и выявить во взглядах Людовика XVIII некие мировоззренческие константы.

¹¹ Gainot B. 1799, un nouveau Jacobinisme ? P., 2001. P. 113.

Автор пишет: «Перед нами предстает не “непримиримый приверженец абсолютистского режима”, а умный и чуткий политик. Его идеалы во многом лежат в прошлом, однако Людовик XVIII “ничего не забыл и многому научился” – с течением времени он избавляется от иллюзий и демонстрирует всё большую склонность к компромиссу» (С. 600). Людовик XVIII не был противником реформ как таковых, но он опасался, что стоит начать модификацию того фундамента, на котором покоится монархия, и процесс этот будет сложно контролировать.

В конце главы, отталкиваясь от рассуждений о составляющих образа Людовика XVIII, его методах и формах саморепрезентации, автор выходит на качественно новый уровень вопросов, имеющих теоретический характер: «В какой степени вся политическая имагология в XVIII веке была выстроена вокруг личности законного государя, а в какой – вокруг того места, которое он должен был занимать в своем королевстве?» (С. 670). Мне кажется, что такой прием – не только подвести итоги анализа, но и на основе сделанных выводов выйти на новый уровень рефлексии – только обогащает работу Д.Ю. Бовыкина.

В целом исследование Д.Ю. Бовыкина, основанное на широком использовании архивных материалов, впервые вводимых автором в научный оборот, отличается новаторскими выводами, во многом корректирующими или прямо опровергающими традиционные для историографии представления и подходы к роялизму как идейному движению и политической практике. Можно быть уверенным, что работа Д.Ю. Бовыкина будет востребована и воспринята как важная веха в развитии не только отечественной, но и мировой историографии Французской революции.

Список литературы

- Бовыкин Д.Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2016. [Bovykin D.YU. Korol' bez korolevstva. Lyudovik XVIII i francuzskie royalisty v 1794–1799 gg. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2016].
- Гладышев А.В.* Французская революция: взгляд из XXI века // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 66-73. [Gladyshev A.V. Francuzskaya revolyuciya: vzglyad iz НКНI veka // Voprosy istorii. 2007. № 10. S. 66-73].

- Кареев Н.И.* Парижские секции времен Французской революции (1790–1795). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. [Kareev N.I. Parizhskie sekcii vremen Francuzskoj revolyucii (1790–1795). SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1911].
- Кареев Н.И.* Неизданные документы по истории парижских секций 1790–1795 гг. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. [Kareev N.I. Neizdannye dokumenty po istorii parizhskih sekcij 1790–1795 gg. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1912].
- Кареев Н.И.* Политические выступления парижских секций во время Великой революции // Русское богатство. 1912. № 11-12. С. 28-66. [Kareev N.I. Politicheskie vystupleniya parizhskih sekcij vo vremya Velikoj revolyucii // Russkoe bogatstvo. 1912. № 11-12. S. 28-66].
- Кареев Н.И.* Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистическим? Харьков: Тип. «Печатное дело», 1914. [Kareev N.I. Bylo li parizhskoe vosstanie 13 vadem'era IV goda royalisticheskim? Har'kov: Tip. «Pечатnoe delo», 1914].
- Кошен О.* Малый народ и революция. М.: Айрис-пресс, 2003. [Cochin A. Malyj narod i revolyuciya. M.: Ajris-press, 2003].
- Матьез А.* Термидорианская реакция. М., Л.: Соцэкгиз, 1931. [Mathiez A. Termidorianskaya reakciya. M., L.: Socekgiz, 1931].
- Матьез А.* Французская революция. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. [Mathiez A. Francuzskaya revolyuciya. Rostov-na-Donu: Feniks, 1995].
- Мишле Ж.* Народ. М.: Наука, 1965. [Michlet J. Narod. M.: Nauka, 1965].
- Чудинов А.В.* Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007. [Tchoudinov A.V. Francuzskaya revolyuciya: istoriya i mify. M.: Nauka, 2007].
- Furet F.* La Revolution. De Turgot à Jules Ferry. 1770–1880. Paris: Hachette, 1988.
- Gainot B.* 1799, un nouveau Jacobinisme? Paris: CTHS, 2001.
- Godechot J.* La contre-revolution. Doctrine et action. 1789–1804. Paris: PUF, 1961.
- Rudé G.* The French Revolution. London: Phoenix, 1988.

Andrey V. Gladyshev

**THE FRENCH COUNTER-REVOLUTION: VIEW FROM THE
21TH CENTURY**

The history of the counter-revolution in the 18th century France looked for a long time like a poor “stepdaughter” against a lot of researches on the French Revolution itself. The recent work by Dmitry Bovykin allows to fill in a great measure this gap of historiography and simultaneously gives prospects for new reflections on the phenomenon of counter-revolution. The author of the article underlined the need for more terminological certainty, for further semantic analysis of such concepts as “royalists”, “constitutional monarchists”, “anti-revolution”, for tracing the stages of ideological evolution of royalists and emphasizing the personal factor in their relationship. Nevertheless he acknowledges the undoubted merit of Bovykin’s study revising a number of established clichés of historiography.

Keywords: history, French Revolution, foreign intervention, counter-revolution, Revolutionary wars, Louis XVIII, Dmitry Bovykin